

Татьяна Луталцева

ИЗВЕРГ
МОЕГО РОМАНА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л83

Оформление — *Екатерина Петрова*

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Ранее книга издавалась под названием
«Мороженое для горячей штучки»

Луганцева, Татьяна Игоревна.

Л83 Изверг моего романа : [роман] / Татьяна
на Луганцева. — Москва : Издательство АСТ,
2018. — 320 с.

ISBN 978-5-17-100905-2

Старинные городские особняки — замечательное место для ночных тусовок выходцев с того света, угрюмых привидений, при жизни запятнавших себя страшными злодеяниями, проклятых и обреченных на вечные мучительные терзания. В это свято уверовала бойкая девушка Серафима, трудившаяся на ниве библиотечного дела именно в таком полуразвалившемся особняке, в котором находилось пыльное книгохранилище. Да и как не поверить в мистику — только она пригласит очередного кавалера на свидание в укромный уголок за книжными стеллажами, как на следующий день незадачливого любовника находят в читальном зале убитым. Впору девушке забыть о любовных приключениях и уйти, как говорится, в монастырь, но Серафима решает сама разобраться с таинственным призраком-убийцей...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-100905-2 © Т. И. Луганцева, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Глава 1

Серафима Игоревна Барская всю жизнь свою работала в библиотеке, что уже само по себе вызывало уважение, но не было престижно.

Воспитывала ее бабушка, Светлана Тихоновна, которая одновременно потеряла и сына, и невестку. Других родственников у старушки, кроме Симы, не осталось, поэтому всю свою любовь и всё свое внимание она сконцентрировала на внучке, единственной своей кровиночке. Это излишнее внимание и сгубило девочку! Бабушка не отпускала ее от себя ни на шаг. Сима не посещала детский садик, бабушка не могла доверить свое дитячко чужим, плохим тёткам, да и дети могли обидеть ее «конфетку». На улице бабуля выводила свою внученьку тоже крайне редко. Слишком яркое солнце — вредно! Напечет головку, будет солнечный удар! Кожа обгорит, болеть будет. Солнышко скрылось — тоже плохо! Становится прохладно, можно простудиться. Игрушки необходимо часто мыть с мылом и протирать спиртом или

Матьяна Луцанцева

водкой для дезинфекции. Книжки читать каждый день для развития, но на расстоянии локтя и с освещением слева — про ее красивые глазки бабушка не забывала. Спать следовало ложиться ровно в девять часов вечера, хочешь ты этого или нет, а вставать в семь утра и начинать день с зарядки и холодного обливания — заряжаться энергией джи или джу... Закаливание — лучшее средство от простуд. Бабушка годами приучала внучку к закаливанию, понижая температуру воды на один градус в три месяца. Все подружки Серафимы проходили фейсконтроль перед строгим оком ее бабушки. И никто контроль так и не прошел.

— У этой девочки родители нехорошие, пьющие, — заявляла Светлана Тихоновна.

— Но она сама-то не пьет! При чем тут ее родители? — возражала Сима.

— Еще бы она пила! Ты, как я вижу, держишь мне? Запомни, я для тебя — всё, и ты для меня тоже, и никто чужой нам не нужен! Мы — это мы! У нас больше никого нет! В проблемной семье не может быть хорошего воспитания, и что вырастет из этой девочки? Она научит тебя только плохому, а я уже немолода, могу и не уследить!

— Чему «плохому», бабушка? Что ты преувеличиваешь? Ты ее не знаешь, а уже думаешь бог знает что... — Внучка отчаянно пыталась отстаивать свое право на общение со сверстниками.

Изверг твоего рта

— Она научит тебя ругаться, курить и, не приведи господи, думать о мальчиках! — с металлом в голосе отвечала Светлана Тихоновна.

Симе оставалось только молча глотать слезы.

С ранних лет ей вдалбливали в голову, что мальчишки — самые страшные и коварные существа — они, о ужас! в будущем превращаются просто в чудовищ, то есть в мужчин! А мужчина уже отождествлялся со всеми пороками. Они курили, пили и от женщин требовали только секса. Они хуже животных, и, разумеется, надо было держаться от них подальше. Эти похотливые самцы подстерегали Симу на каждом шагу.

— А с Катей можно дружить? — спрашивала уже со слезами на глазах Серафима, которой просто не хватало девчачьего, подросткового общения.

— Катя? Кто у нас Катя? Это та в короткой юбке, думающая уже о мальчиках?

— Нет, она...

— А! Я вспомнила! Это та девочка, которую ругали на родительском собрании за то, что она красит ресницы и громко хохочет? Это в таком-то возрасте! Она зачем так поступает? Чтобы нравиться мальчикам? Вырастет, станет гулящей девкой! Обычно так и начинается!

— Нет, бабушка! Катя у нас новенькая. Она дочка учительницы по русскому и литературе! Очень хорошая девочка! — настаивала Сима.

Светлана Тихоновна недовольно поджимала губы. По всему выходило, что ей перечить — себе

Татьяна Луизицева

дорожке. Дать бы волю Светлане Тихоновне, она бы с удовольствием закрыла свою внучку в четырех стенах на ключ. Но тогда бы к ней в дом пришли сотрудники соответствующих органов и поинтересовались бы: почему девочка не ходит в школу? Поэтому в эту «обитель невежества и разврата» Светлана Тихоновна была вынуждена отпускать внучку. Она каждый день отводила Симу в школу и каждый день встречала ее, невзирая на подростковый возраст девочки. Ребята в классе смеялись над Серафимой, но это ничего не меняло.

— Бабушка, я тебя умоляю! Не подходи к школе, я приду сама! Да и ты отдохнешь! У нас все ходят в школу сами! — молила Серафима.

— Ты как со мной разговариваешь? Я отдала тебе лучшие годы! Мне совершенно всё равно, как к этому относятся окружающие, и отдыхать мне не хочется! Ты — единственная, кто у меня остался, и я тебя сохраню, нравится тебе это или нет! Я тебя сберегу, и ты должна радоваться, что у тебя такая заботливая бабушка, а не стыдиться меня. Или ты хочешь гулять с мальчиками после школы, чтобы я не узнала? Чтобы заразиться от них или забеременеть?

— Нет, бабушка... — впадала в оцепенение внучка.

— А я вот вижу, что да! Ты вознамерилась опозорить меня и загнать в могилу!

— Я не хочу, бабуля, — рыдала Серафима, но лекции и нотации не прекращались еще часа три.

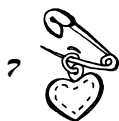
Изверг моего рта

Девочке не разрешалось приглашать детей на день рождения, потому что праздники расхолаживают и выбивают из «колеи послушания» и на них могут прийти нежелательные мальчишки. Когда Серафима однажды дала свой домашний номер телефона однокласснику, который ей нравился, и он позвонил ей, естественно, нарвавшись на Светлану Тихоновну, девочка в первый раз была бита ремнем. С бабушкой чуть удар не случился.

— Этого не может быть! Это — конец! Ужас! Вот и дождалась я позора! — махала она ремнем. — Тебе всего пятнадцать, а мальчишки уже телефон обрывают! За что мне такое наказание! Моя внучка будет проституткой! Вот тебе! Вот! Будешь знать, как себя вести! — ярилась злобная старуха.

Серафима вырвалась, забилась в угол, рыдая в голос. Она ощущала себя кругом виноватой, плохой, порочной и, самое главное, униженной.

Ну а когда Светлана Тихоновна увидела, что ее внученька из девочки-подростка превращается в прелестную девушку, у нее совсем стало плохо с головой. Она буквально «пасла» Симу, не давая той расслабиться. Следила за ее прической, одеждой, жестами и поведением. Разумеется, прическа допускалась одна — коса, одежда — длинная юбка и кофта с рукавами, поведение — потупленные глаза, чтобы не видеть «похотливых взглядов мужчин». Естественно, что при такой жизни, чтобы не соскочить с ума, Серафима нашла себе единственных

Матьяна Луцанцева

друзей — книги. Когда она, уютно устроившись на диване под пледом, глотала их «от корки до «корки», испытывала и радость, и удовольствие — чувства, которых в реальной жизни не находила. Она познавала жизнь через книжные страницы, читала с упоением и всё свое свободное время проводила за книжками. Это было единственное занятие, которое ей без ворчания и нотаций разрешала не совсем адекватная бабка.

В детстве Серафима до конца не понимала, что с ее психикой и вообще жизнью делала Светлана Тихоновна. Она и потом ее не осуждала. То, что у бабушки крыша поехала после потери сына, это и так было понятно. Но сил сопротивляться бабке, обожающей ее до судорог, у Симы не было.

Из всех девочек Симе было разрешено общаться лишь с Катей Рыжовой, и то только потому, что ее мама учительница. Катя, по просьбе Серафимы, тоже надевала длинную юбку и заплетала волосы, когда у нее было опасение наткнуться на шизанутую старуху. Конечно, Катя могла и не обращать на бабку внимания, но она очень любила Симу и хотела с ней дружить, ее чувства к подруге были искренними. Серафима очень редко приходила к Кате, потому что ее вообще не часто отпускали из дома. Она с интересом наблюдала за отношениями Кати с матерью — еще молодой женщиной Анной Григорьевной Рыжовой. Отец у Кати погиб, когда та была совсем крошкой. Катя и ее мама

Изверг моего романа

были жизнерадостные, улыбочивые, рыжеволосые, кудрявые и с курносими, веснушчатыми носами. Общались они словно две лучшие подружки, обе любили покрутиться перед зеркалом, обожали наряды, и Анна Григорьевна даже собственноручно могла покрасить дочке ресницы. Она отпускала ее на дискотеки, школьные вечера и на прогулку в парк с подружками.

Серафима о такой жизни даже и не мечтала, она наблюдала за ними с трепетом в душе и, конечно, с тайным желанием, чтобы и у нее было так же. Учительница, конечно, сразу заметила невероятную скованность в поведении Симы и пыталась хоть как-то ее вывести на откровенный разговор, но всё было тщетно. Девочка просто шарахалась от предложений сходить всем вместе в кафешку или сменить прическу, почувствовать себя девушкой. В то же время стоящая на страже добродетели внучки Светлана Тихоновна заметила изменение в поведении Симы — она повеселела, зарумянилась. Старуха связала это с появлением тайного поклонника и заскрежетала зубами. Она запретила Симе ходить к Екатерине. Тут внучка взбунтовалась первый раз — она не хотела терять единственную подружку. Серафима совершила невозможный для нее поступок — сбежала из дома к Анне Григорьевне и Кате.

Светлана Тихоновна обратилась за помощью в полицию, чтобы «вернуть беглянку», и написала в школу порочащее молодого педагога Рыжову

Матвеева Агния

письмо. Она обвинила ее в совращении малолетних, в том, что та заводит отношения с учениками не только педагогического свойства, что устроила дома вертеп, что она развращает ее внучку. Конечно, такой сигнал не оставили без внимания, но Анна Григорьевна оказалась не так проста. Она даже обрадовалась, что обстановка в семье Серафимы вышла на всеобщее обсуждение. И уж она, как здравый и грамотный человек, подготовилась ко всем проверкам с любой стороны. Мало того, Анна Григорьевна отвела Серафиму к психотерапевту на обследование и тестирование и предъявила неопровержимые доказательства того, что девочка воспитывалась настоящим деспотом, что у нее подавлена воля, она полна страхов, комплексов, что к ней применялось и физическое насилие, и очень длительное время тяжелое, подавляющее психологическое воздействие. Учителя все как один встали на защиту Анны Григорьевны, охарактеризовав ее как порядочного педагога. А вот соседи Серафимы не одобрили действия Светланы Тихоновны.

— Симочка — девочка очень хорошая, умная, вежливая, ведет себя тихо. Даже очень тихо. А вот бабушка ее... Всё ворчит и ворчит, пилит ее и пилит. Из дома девочку совсем не отпускает, в гости к ним никто не ходит. В общем, жалко девочку. Ни отца, ни матери, заступиться-то некому! Ходит с потухшими глазами и опущенными плечами.

И тут сложилась очень интересная ситуация. Светлану Тихоновну обвинили в плохом воспи-

Изверг моего романа

тании и пригрозили привлечь к ответственности, лишить опеки. Серафиме к тому времени исполнилось пятнадцать лет, и она имела право выбирать, с кем ей жить. Для начала ей было предложено перейти в интернат. Анна Григорьевна сказала, что девочка может жить в ее семье, тем более что Сима дружит с ее дочерью. И тогда Светлана Тихоновна серьезно занервничала. Она испугалась, что может лишиться своей внучки и в принципе — смысла жизни. И она пошла на попятную. Слезно пообещала, что пересмотрит свое отношение к внучке и разрешит девочке видеться с друзьями, а также посещать кружки, о которых Серафима давно мечтала.

Сима не смогла бросить бабушку и, конечно, осталась с ней. Она все же была покорной и доброй девочкой. Бабушка теперь боялась бить ее, обзывать дрянными словами, разрешила ходить к подружке, приняла даже Катю у себя и согласилась на кружок рисования. Такая, пусть и маленькая, победа принесла радость в жизнь Симы. Конечно, личность Серафимы уже было не изменить. Она была крайне застенчива, скромна. Но люди, с которыми она общалась, понимали, насколько она умная, чуткая и интересная. Жалко, что этих людей было очень мало, так как Сима вела замкнутый образ жизни. Зато она обладала богатейшим внутренним миром. Самыми близкими для Серафимы так и остались книжки. Она перечитала гору русской и зарубежной классики, не брезговала и современ-

Матьяна Агулицева

ными, модными авторами. Серафима прекрасно рисовала и увлекалась фотографией.

Училась Серафима отлично по гуманитарным наукам и не очень хорошо по математическим дисциплинам. А вот у ее подружки Кати все было наоборот, ее мама даже удивлялась:

— Я учительница русского языка и литературы, а моей дочери еле-еле натягивают в четверти по этим предметам четыре, а то и три. Позор! Зато по математике и физике отлично! Просто ума не приложу как такое возможно?

А вот с Серафимой они находились на одной волне, Анна Григорьевна советовала ей, что читать, обсуждали то или иное произведение. Своей дочери Анна Григорьевна ставила Симу в пример.

— Потрясающая девочка, с богатейшим внутренним миром! Не то, что ты — стрекоза!

— Мне она тоже нравится! Поэтому и дружу с Симкой! — отвечала Катя и бежала на дискотеку с другими девчонками, потому что вот в этом Серафима ее не поддерживала, ей это было совершенно не интересно, она даже боялась таких мероприятий из-за большого скопления народа.

На выпускной бал Серафима не пошла, сообщив, что заболела. На самом деле на пенсию бабушки они не смогли приобрести достойное платье, да и сдать деньги на торжество у них тоже не было возможности. А попросить займы Серафима никогда бы не осмелилась. Так она осталась без выпускного бала. А вот мама Кати долго

Изверг моего романа

себе простить потом не могла, что упустила этот момент, что вовремя не прочувствовала истинную причину отказа Симы от такого важного мероприятия в жизни каждой девушки. Она должна была помочь ей в этом! Но Сима была очень гордой.

Серафима поступила на факультет журналистики, но с обучением у нее возникли сложности. Что касалось теоретической части, здесь все было отлично. А как доходило дело до практики, так от Симы не было никакого толку. Она не могла подойти к человеку, не способна была взять интервью. Преподаватель бился с ней, бился, но ни к чему не пришел.

— Ты такая умная! Ты — просто кладезь знаний! Но у тебя какая-то социофобия! Тебе или к специалисту идти надо, к психотерапевту, и лечиться от своей стеснительности, или менять профессию. Работы, требующей более обширного общения с людьми, чем журналистика, — нет! Журналист должен быть психологом! Знать и понимать людей! Надо не только суметь грамотно подойти к человеку, расположить к себе, вызвать доверие, но и суметь буквально влезть в душу! Это понятно? Тебя будут посылать подальше, унижать, отпихивать, а ты должна преследовать человека и добиваться своего! А ты поздороваться и улыбнуться не можешь! Ты профнепригодна! Так нельзя! Ты девка умная и эрудированная, но беспомощная, словно улитка, вытащенная из раковины! Учись держать удар и общению с людьми! Иначе, дорогая, дело не пойдет.

Татьяна Агулицева

Но за пять лет учебы мало что изменилось. Серафима к концу обучения поняла, что журналистка из нее никакая. И вот, имея хорошее образование, Сима пошла работать в библиотеку младшим библиотекарем, дослужилась до старшего, а это плюс пять тысяч к зарплате... Плюс крошечная дотация. Это крохи для Москвы. Да что там говорить! Жила Серафима очень бедно, но на вопрос, как на такую зарплату можно прожить, она пожимала плечами и отвечала, что можно.

Конечно, она на всем экономила. Одежду Сима вообще редко себе приобретала, и то по острой необходимости, на дешевых рынках, в недорогих магазинах на распродажах, пытаясь придерживаться строгого, классического стиля, чтобы не выглядеть совсем уж бомжихой. Например, зимой в моде высокие сапоги с мехом, и стоят они в начале сезона очень дорого, Серафима не могла их себе позволить. В конце зимы сапоги стоят уже на порядок дешевле. Сима их покупала, но надеть эти сапоги могла лишь на следующий год, а тогда в моду входили угги или какие-нибудь короткие сапожки на платформе. Замкнутый круг... Серафима любила простые, неяркие, удобные вещи, это было в ее вкусе. Питалась она тоже скромно, покупала недорогие продукты в магазинах эконом-класса. Если и брала мясо, то варила суп сразу на три-четыре дня. Конечно, деликатесы в виде икры, ананасов и рябчиков были не для нее, как и для многих работающих россиян вкупе с одинокими

Изверг моего романа

пенсионерами. В ресторанах Серафима не бывала, в кино не заглядывала, правда, пару раз посещала кафе и «Макдоналдс». Но она никогда не жаловалась.

Книги в наше время — дорогое удовольствие, но Сима работала в библиотеке и, пользуясь служебным положением, брала книжки, иногда раритетные и очень умные, на дом.

К слову сказать, бабушка Симы умерла, еще когда та училась на третьем курсе института. Серафима осталась одна в малогабаритной двухкомнатной квартире, в пятиэтажной хрущёвке. Ее дружба с Катей и ее мамой никогда не прерывалась. После смерти бабушки они предложили Симе помощь и даже приглашали жить к себе, чтобы она не оставалась одна. Но Сима выбрала свободу.

Катя пошла по стопам Анны Григорьевны — училась в педагогическом вузе, чтобы тоже стать педагогом. Но вот предмет она выбрала тот, который обожала, — математику. И уже на четвертом курсе она выскочила замуж за своего же преподавателя. И тут Сима предложила молодым пожить у нее в квартире, а сама переехала к Анне Григорьевне. У Екатерины в скором времени еще и дочка родилась, а вот Серафима так и не вышла замуж, что было закономерно, зная ее нелюдимый характер. И ведь нельзя сказать, что за всю ее жизнь мужчины не обращали внимания на ее прелестное личико и большие светлые холодноватые глаза. И фигурка у нее была что надо — приодеть-

